

Святой авангард

Артем Викторов о корнях и причинах протеста в искусстве и их связи с революционным предчувствием.

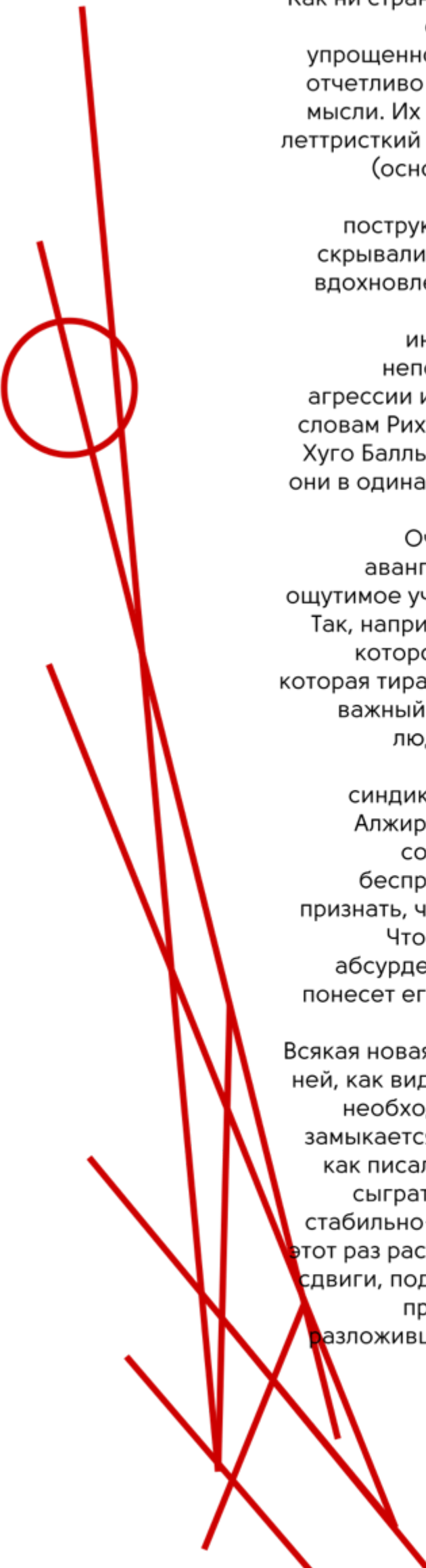
REBEL

Что есть поэт на обломках земной гравитации? Если объективная действительность и существует вне познания субъекта, то осколки оригинальной картины мира пребывают еще и внутри сознания поэта. Самые странные и нелепые повстанцы на исторической спирали старательно воплощали заветы Рембо про «расстройство всех чувств» и одновременно плевали на его «поиск солнца». Так достигается раскрепощение, когда искусство не ограничено даже сознанием своего творца. Они убили слово. Убили автора. Но что может лежать за гранью пресловутого постмодернизма? Можно ли назвать культурный авангард движущей силой цивилизации или разрушение не несет в себе «совершенно ничего, ничего, ничего»? Да и в целом, почему революции может быть необходим стильный образ противоречивого бунтаря?

Буржуазная культура западных государств, развиваясь по многочисленным векторам, была вынуждена столкнуться с кризисом своих структур и обострением противоречий между теорией рыночного саморегулирования и объективной реальностью. Закономерными итогами неадекватного состояния властного аппарата стали: нарушение нормального хода экономического совершенствования, контроль над содержанием и распространением информации, закабаление и милитаризация общества, войны. Все вышеперечисленное с огромной силой подействовало на зарождение и последующее развитие нового поэтического языка, выпавшее на начало двадцатого столетия. Авангардные направления в современном творчестве явились неким отражением безумно-алогичного и абсурдного состояния мира, той реальности, что вызвала реакцию интеллектуальных слоев общества, которая, в свою очередь, синтезировалась в неконтролируемый эксперимент над освобождением языковых конструкций и смыслов. Тристан Тцара, франко-румынский поэт и основатель дадаизма, писал по этому поводу: «Очищение личности может состояться лишь в состоянии безумия...». В этом виде эмансипация мыслится неминуемым следствием диктата. Разрушение стереотипов и всеобъемлющая детерриториализация – вот, что по настоящему волновало новаторов, революционно понимающих то, как стоит писать и жить.

Для первых ростков прогрессивной поэтики, коими стали сюрреалисты, экспрессионисты и дадаисты, определенно характерны мотивы отрицания ценностей капиталистического общества и деконструкции человеческой личности культурой потребления. Выражалось это, во многих случаях, в маргинальном образе жизни самих поэтов, в их протестных позициях по отношению к социальным нормам и постулированным «истинам». Главной идеей пролагателей новых путей было методологическое преодоление систематизированных положений и укоренившихся алгоритмических концепций путем непосредственного вытеснения стереотипа или путем провокации, инициирующей освобождение мышления. Действие, являющееся прямым выражением рассудка, нивелировало для дадаистов слово и теорию, ведь модели идеального, в заданных описанием условиях, неизбежно претерпевают дематериализацию при столкновении с "преградами" предметной реальности (как-бы оставаясь лишь абстрагированными конструкциями). Индивид, по мнению Балля, использует слово для обозначения и стратификации окружающей действительности с позиции личного субъективизма и с целью дальнейшей идентификации объектов, однако дадаисты, стремясь удалить материальные и любые другие границы с поверхности сущего, были вынуждены отказаться от штампов и перейти на другой уровень дискурса. Слова заменялись обилием шумовых звуков, с целью разбудить в публике примитивные инстинкты, чувства, наэлектризовать ее, спровоцировать на выплеск ничем не сдерживаемых эмоций. Вселенная становилась заблеванной стойкой в «Кабаре-Вольтер», а люди, каждый в своей индивидуальности, распятыми Христами, положившими жизнь на Кальварию человеческого прогресса. Сюрреалисты взяли охапку дров и закинули ее в печь культурной общественности. Оставалось только греться, завернувшись в полотна «Джаконды с усами» и «Парада любви». Но что делать дальше, если выработанный стиль засох на губах, и теперь позволяет поэту говорить одной лишь заумью? Пожалуй, основной проблемой костяка сюрреалистов являлось то, что разрушив занавес пуританской морали, они оставили после себя гниющий компост. Что оставалось делать наследникам с таким завещанием?

Как ни странно, но влияние этих более или менее оформленных групп писателей со схожими взглядами, стилем жизни и эстетикой (одни склонялись к упрощенному варианту марксизма, другие – к анархо-индивидуализму), можно отчетливо проследить на важных этапах становления новой социалистической мысли. Их идеи впитали в себя такие личности как Исидор Изу (возглавлявший леттристкий интернационал на заре 50-х), французский философ Ги-Эрнст Дебор (основатель и идеолог ситуационизма), а концепцию «нового человека», которому чуждо идолопоклонничество, можно назвать предтечей постструктуралистского «тела без органов». Да и сами модернисты никогда не скрывали своих левых воззрений на методы организации общества, они были вдохновлены радикальной левой идеологией, однако революцию предлагали начать со своего сознания. Искусству отводилась роль основного инструментаосвобождения, собственные же работы, экстремальные и непонятные, были полны надрывными воплями из-за несправедливости, агрессии и насилия, что неформально производились правящими классами. По словам Рихарда Хюльзенбека, «барабанщика дада» (такое имя дал ему его друг Хуго Балль), «все они были выброшены за границы своей родины войной и все они в одинаковой мере были пропитаны бешеной ненавистью к правительствам своих стран».

Очевидным следствием антибуржуазной и антивоенной ориентировки авангардистов стало то, что многие из них приняли радикальное и вполне осязаемое участие в политической жизни Европы и других стран западного мира.

Так, например, Тристан Тцара участвовал в «Движении Сопротивления», целью которого был силовой отпор оккупационным войскам нацистской Германии, которая тираническим образом утверждала свою враждебность культуре. Другой важный лидер сюрреалистов Андре Бретон в 20-х годах активно агитировал людей вступать во Французскую коммунистическую партию. Остальные модернисты, так или иначе, сотрудничали с марксистами, анархо-синдикалистами, выступая резко против колониализма, войн в Индокитае и Алжире. Наследие передового искусства стало своеобразным регулятором социалистического мировоззрения так называемых «новых левых». Не беспричинно, нужно отметить, Хюльзенбек писал в те годы: «Почему бы не признать, что тогда мы, сами того не сознавая, несли на себе тяжесть времени? Что мы были Сизифами или Геркулесами своей эпохи?». Но труд Сизифа абсурден, вкатившийся булыжник нового миропонимания рухнул с горы. Кто понесет его сегодня? «Получается, что вместе с этим разрушающим всё подряд дада и приходит конец поэзии слов?».

Всякая новая форма в искусстве выступает зеркалом самой жизни, новаторство в ней, как видно, является не конкретизированным желанием, но функциональной необходимостью - таковы ситуационные факторы, иначе мир символически замыкается в себе, а история начинает существовать в замкнутом круге (прямо как писал Йейтс). Вулкан авангарда может пока и спит, но ему еще предстоит сыграть свою роль, расплавив вериги, скованного помоями и нечистотами, стабильно-сужающегося «круга». Дада запустили необратимый процесс. Но на этот раз распад должен стать обработкой, активной и сознательной. Лишь такие сдвиги, подлинно преобразующие картину мира, имеют смысл. Требуется лишь прецедент, который спровоцирует долгожданный взрыв урана-232. На разложившейся органике трансцендентного откровения расцветут сто цветов.

**АРТЕМ
ВИКТОРОВ**

МНЕНИЕ РЕДАКЦИИ МОЖЕТ НЕ СОВПАДАТЬ С МНЕНИЕМ АВТОРА

ИЮН. 19 2015